

Татьяна Николаева. Колокол

КОЛОКОЛ

«Чтобы колокол был слышен далеко,
Колоколу должно быть очень больно...»
И Мун Дзэ

В ТОСКЕ

Белым — по чёрному, чистым — по скверному
снова февраль нас стирает с лица
гордого незамутнённою верою
города-чернеца.

Сколько ему доставалось от племени
власть-пре-держаше-сменяемых каст?..
Есть епитимия места и времени —
Бог и воздаст.

Город-чернец одержим послушанием:
уголь, руда, коксохим и цветмет.
Что сокровенно в тоске разрушали мы?
Менталитет:

золото — люди, и топливо — люди же,
судьбы по вышке закалку прошли.
Крест освятивший Спасителю будь же
милостив к детям земли!

Разве они не алкали, что сеяли?
Разве жалели и сил и души
на возрожденье разумного семени?
Только судить не спеши...

Ты загляни в наши души отпетые,
и в неотпетые — Ты загляни:
теплого ливня, заботы ли, света ли
разве не ждали они?..

Февраль 2014 г.

В КЛАССИЧЕСКОМ СТИЛЕ

На Украине — окраине бывшей Руси —
маму мою Ты помилуй, мой Бог, и спаси!
Я-то в Сибири бытую в классическом стиле.
К пашням слетелись грачи и скворцы — это май:

с верой в груди и с лопатой в руках принимай
всех, кто тебя за твоё вольнодумство простили.

На Украине бендеровцы режут века,
перелицовывают свой зипун, а пока
кровью ржавеет асфальт пресловутых майданов.
Ну а на пашнях — страда: и грачи, и скворцы
дюбают вредных личинок, не метя в отцы
братских народов. Да только до братства куда нам?

Вроде бы Новый Завет имплантирован в нас,
все — христиане... Пока же психоз не угас,
судим друг друга по имиджу и по породе.
Предок забыт. Окопались. Построен редут,
мама мне писем не пишет — они не дойдут,
папа на кладбище знает: и это проходит.

Май 2014 г.

В ТЕРПЕНИИ

У колокола моей души
украли язык на цветмет,
и в смирительной рубашке немотства она,
открытая всем ветрам, бессловесно
погудывает на четыре стороны света,
то взмывая в высь благодарением,
то погружаясь на дно отчаянием...
роняет последние опавшие смыслы
на рельеф стареющего лица, завершённый
глубокими морщинами от перепада культур.

У колокола моей души
сдали язык на цветмет!
Привяжите обломок базальтовый
в пространство вопиющих немотств —
непроницаемый шестигранник мужества
шести взоров духа, изнемогающего от
двухмерного формата письменной речи.

У колокола моей души
от прикосновения лапок шмеля
зазвенели любовью сплавы —
меди, золота, серебра, олова,
а от угля остался шлак...
Это прикосновение породило в душе дитя,
и оно хочет родиться!

Но язык украли на цветмет.

У колокола моей души
память зашкаливает на будущем, она
выгорела в огне ужаса перед ненавистью
братьев друг к другу, и только
сестрические лохмотья жалостливого тепла
под толщей белого пепла ждут
подачки: бросьте хотя бы
иссохшую в терпении траву, хотя бы
свернувшуюся негодованием ветвь —
лишние презренные никчемучки,
в которых дитя хочет родиться...

У колокола моей души
много любви — её хватит на
костёр для трех женщин вдов,
забывших, что такое нежность. Бросьте
старые газеты, обноски, пачки от сигарет
в этот самозабвенный пепел светлых дней
прошлого, и вы увидите звёзды на небе
и лица тех, кому можно сказать
о красоте ночи, в которую
дитя ждет рождения.

Колокол моей души,
обезьязыченный, алчет ваших
косынок, рубах, простыней, пеленок... — бросьте!
Пусть возродиться пламя, пусть вам,
нагим, будет тепло около него,
пусть заголосит в рождающемся

колокол моей души —
последними вещами, с которыми
вы не могли расстаться прилюдно.
Нет никого... и больше не будет...
но дитя имеет волю быть!

У колокола моей души,
базальтово орущего в Небо,
вы совершенно святы,
потому что наги, потому что плачете,
потому что вам жалко Землю,
потому что и ваши языки
украли на цветмет.

Июль 2014 г.

В ТЩЕТЕ

Страшные вещи бывают на белом свете,
самые страшные — это родные дети,
волком рычащие из-под твоих молитв...
Страшные миги бывают в душе: мигни-ка, —
сердце опутают плесень и повилика,
и понимаешь, что это предвестник битв.

Страх одолеем! Возьмем свои мысли в руки,
скажем: готовы на подвиги и на муки!
Волю направим отчаянно от плеча!..
Брызги рябины, кровавые, в снег ложатся...
Нам приходилось и в юности облажаться,
в старости как-то паскудно. Но горяча

кровь наших дочек, сыночков, висящих в рынке.
Я понимаю: я — лох, но гундѣж сурдинки
нового времени слишком похож на ложь.
Я понимаю: на правду всегда — глушитель,
я принимаю, но вы-то, орлы, пишите,
если писатели, — правду, а не гундѣж!

Правда кровава и пахнет навозом, дѣгтем,
и за неё отоварят пинком и локтем.
Это нормально. От этого не уйти.
Падают в землю безногие с неба птицы...
Вам никогда этот ужас в ночи не сниться?
Изнемогаю в тщете этих птиц спасти.

Август 2014

В МОЛЧАНИИ

...вот отпиваюсь таёжным чаем —
густым, горячим,
промываю сухие мысли
о том, что вижу.
Мы с тобою, душа, никогда уже
не заплачем, —
разряжённые чувства... ведь небо
всё ближе, ниже,
звёзды — больше, я в них различать
начинаю лица,
и орбиты планет, словно нимбы,

вокруг роятся...
Ах, как ласково в душу ложится
 чаёк с душицей,
наполняя жаленьем её, —
 хоть живьём да в святцы...
А давно ли я водочкой потчивала
 её же —
эту душу, ещё не выкорчеванную
 из детства?
Как полынно горчит обида,
 когда не можешь
никуда от ярма, от дерьма,
 от сумы не деться?!
Вот смородины правильный привкус:
 висел листочек
над ручьём, от куста ни на шаг, —
 не ярмо ли это?
Не сума ли — сермяжные ритмы
 сушёных строчек
с золотисто — зелёным оттенком
 тайги и лета?
Для кого я так нежно в молчаньи
 слова смакую
Рядом нет ни души, — закричись...
 Для Тебя ли, Боже?
Как давно ты не видел
 полночно — меня — такую...
Вот и слёзы пришли. Это Ты.
 Пожалел, похоже.
 Октябрь 2014 г.